

Научная статья
УДК 81.11
DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_9

Предметные имена как носители дополнительной семиотической информации (на материале английской обиходной лексики)

Г. Г. Бондарчук¹, Г. В. Грачев²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
¹bondarchuk.gal@yandex.ru, ²georgegrachev@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается роль предметных имен из сферы английской обиходной лексики – членов лексических категорий «Питание» и «Одежда» – как носителей дополнительной семиотической информации в семиотически маркированных ситуациях. Подчеркивается роль языка в возникновении подобных ситуаций. Кратко описывается процесс становления семиотического характера наименований питания и одежды в английском языке. Высказанные положения иллюстрируются примерами из англоязычной художественной литературы.

Ключевые слова: лингвистическая семиотика, семиотически маркированная ситуация, семиотически маркированный объект, коды предметов потребления, лексическая категория

Для цитирования: Бондарчук Г. Г., Грачев Г. В. Предметные имена как носители дополнительной семиотической информации (на материале английской обиходной лексики) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 5 (873). С. 9–15. DOI 10.52070/2542-2197_2023_5_873_9

Original article

Object Names as Carriers of Additional Semiotic Information (based on English everyday vocabulary)

Galina G. Bondarchuk¹, Georgiy V. Grachev²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
¹bondarchuk.gal@yandex.ru, ²georgegrachev@gmail.com

Abstract. The role of object names in the sphere of English everyday vocabulary – members of the categories “Nutrition” and “Clothing” – as carriers of additional semiotic information in semiotically marked situations is considered. The role of language in recognizing such situations is emphasized. The process of formation of the semiotic character of food and dress names in the English language is briefly described. The stated provisions are illustrated with examples from English-language fiction.

Keywords: linguistic semiotics, semiotically marked situation, semiotically marked object, commodity codes, lexical category

For citation: Bondarchuk, G. G., Grachev, G. V. (2023). Object Names as Carriers of Additional Semiotic Information (based on English everyday vocabulary). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(873), 9–15. 10.52070/2542-2197_2023_5_873_9

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении длительного времени в центре внимания исследователей разных областей находятся семиотические проблемы, и очевидно, что значение таких исследований с развитием человеческого общества всё возрастает. Одна из причин видится ученым в том, что современный «человек живет не только в реальном мире, но в такой же, если не большей степени, в мире знаков и символов, в которые он же сам заключает информацию об окружающем мире» [Казанский, Цивьян, 2004, с. 63]. По справедливому замечанию Ю. С. Степанова, «семиотика находит свои объекты повсюду – в языке, математике, художественной литературе, в отдельном произведении литературы, в архитектуре, планировке квартиры, в организации семьи, в процессах подсознательного, в общении животных, в жизни растений» [Степанов, 1983, с. 5]. Можно констатировать, что в настоящее время возрастает значение семиотики, в том числе, и для научных работ в области языка и литературы.

Как известно, среди всех знаковых систем выделяющиеся ученые всегда выделяли язык как чрезвычайно важную и самую коммуникативно-значимую систему знаков. Так полагал Ф. де Соссюр, подчеркивая, что «nothing is more appropriate than the study of languages to bring out the nature of the semiological problem» / *нет ничего более подходящего, чем изучение языков, для выявления природы семиологической проблемы*¹ [Saussure, 1983, с. 16]. Роман Jakobson утверждал, что «language is the central and most important among all human semiotic systems» / язык является основной и наиболее важной среди всех человеческих семиотических систем [Jakobson, 1990, с. 455]. По мнению Э. Бенвениста, «language is in the interpreting system (interpretant) of all other semiotic systems» / *язык входит в систему интерпретации (интерпретанту) всех других семиотических систем* [Benveniste, 1981, с. 18], а Клод Леви-Стросс писал, что «language is the semiotic system *par excellence*; it cannot but signify, and exists only through signification» / *язык – это семиотическая система по преимуществу; он не может ничего не обозначать и существует только через означивание* [Lévi-Strauss, 1972, с. 48].

СЕМИОТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫЕ СИТУАЦИИ И СЕМИОТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫЕ ОБЪЕКТЫ

Настоящее исследование, проводимое в русле лингвистической семиотики, непосредственно

связано с проблемой изучения связи смысла вещей (т. е. их семиотической роли в жизни) с их языковым воплощением – вопрос, который впервые поставила Е. С. Кубрякова и ввела для решения данной задачи новые понятия *семиотически маркированной ситуации* и *семиотически маркированного объекта*.

При этом, по мнению Е. С. Кубряковой, распознавать семиотически маркированные объекты и ситуации нам позволяет и помогает именно язык: «Роль языковых знаков во всех этих явлениях настолько велика, что о многих из них мы бы вообще не знали – доступ к ним осуществляется через их языковые описания, через их разъяснения, содержащиеся в языковых текстах и дискурсе (т. е. в актах коммуникации и фиксации их результатов в вербальной форме). О семиотически маркированных объектах и ситуациях мы тоже узнаем из соответствующих описаний...» [Кубрякова, 2005, с. 97].

В качестве материала исследования выступают английские предметные имена – анализируются семиотические функции членов лексических категорий «Питание» и «Одежда» в произведениях современной англоязычной художественной литературы, где часто встречаются семиотически маркированные ситуации, понимание которых требует инференции, т. е. семантического вывода. Другими словами, изучаемые лексические единицы часто выступают носителями дополнительной семиотической информации, поскольку авторы произведений активно их используют, в частности, для имплицитной оценочной характеристики персонажей и элементов сюжета.

Выбор предметных имен в качестве объекта исследования не случаен. Известно, что предметные имена в большинстве случаев являются средством лексической номинации физических объектов повседневной реальности, их денотаты содержат информацию о физических свойствах данных объектов. Однако окружающие людей предметы настолько тесно связаны с различными аспектами жизни человека, что в концептуальной картине мира возникают виртуальные связи между конкретными предметами и абстрактными характеристиками жизни людей: их социальным статусом, стилем жизни, идеологическими установками, политической ориентацией и т. п. Таким образом, предметные имена часто несут значимую семиотическую нагрузку. В терминах когнитивной лингвистики мы связываем семиотическую функцию предметных имен с глубинными структурами общего знания (*shared knowledge*), которые не входят в лексическое значение, но являются комплементарными ему. В ментальном лексиконе такие структуры знаний являются глубинными

¹ Эд. и далее перевод наш. – Г. Б., Г. Г.

семантическими структурами, неотъемлемыми от денотативного значения.

Неслучайно ученые, работающие в русле современной лингвистической семиотики, пытаются определить коды и не выраженные словами правила и ограничения, которые лежат в основе создания и интерпретации значения внутри каждого кода. Например, Д. Чандлер (David Chandler), подразделяя все коды на социальные (social codes), текстуальные (textual codes) и интерпретирующие (interpretive codes), в группе социальных кодов, наряду с вербальным языком (verbal language), телесными кодами (bodily codes) (внешность человека, выражение лица, взгляд, жесты и т. д.), поведенческими кодами (behavioural codes) (протоколы, ритуалы, игры, исполнение роли), выделяет товарные коды, или коды предметов потребления (commodity codes) (моды, одежда, легковые автомобили). При этом он поясняет: «Мы сообщаем (communicate) о типе своей социальной личности (social identity) посредством работы, которую мы выполняем, того, как мы говорим, *через одежду, которую носим*, нашу прическу, *то, как и что мы едим*, через домашнюю обстановку и вещи, которые нас там окружают, то, как мы проводим свободное время, то, как мы путешествуем, и т. д. Использование языка является ключевым маркером социальной личности»¹ [Chandler, 2007, с. 153].

О ВАЖНОСТИ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ ПРИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЕМИОТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫХ СИТУАЦИЙ (из истории вопроса)

Не вызывает сомнения тот факт, что понимание сложного художественного текста, встречающихся в нем семиотически маркированных ситуаций, требует от читателя подчас значительных фоновых знаний о культуре и социальной истории общества, говорящего на конкретном языке, в данном случае – на английском.

Обращение к историческим исследованиям вопроса о семиотической роли предметной лексики свидетельствует о том, что в ходе социально-исторического развития общества семиотическая функция предметов быта, в частности, одежды и питания, не только осознавалась властью преобладающими, но данному аспекту жизни общества придавалось большое значение.

Так, статус одежды как знака принадлежности к определенному социальному классу власти пытались закрепить официально, в законодательном порядке, что было, видимо, одной из мер,

дававшей им возможность сохранять статус-кво в обществе для поддержания своей власти.

Неслучайно в Англии, начиная со Средневековья, издавались законы, строго регламентировавшие, какую одежду могли и должны были носить определенные социальные группы, включая и высшие слои английского общества. Например, уже в 1336 г., в начале правления Эдварда III, согласно закону, изделия из меха могли носить только члены королевской семьи, герцоги, прелаты, бароны, рыцари и дамы из аристократических семей, чей годовой доход составлял не менее 100 фунтов стерлингов. С течением времени одевания становились все более претенциозными, все более зависящими от моды, и в английском обществе считалось крайне важным, кто что носил: одежда герцогов и баронов резко отличалась от одежды рыцарей, а одежда последних – от одежды дворян, мелких землевладельцев и фермеров. Почти тридцать лет спустя, в 1363 г., тот же король издает еще один «регламентирующий» закон (sumptuary legislation) в отношении одежды [Briggs, 1999, с. 90].

Во времена правления потомка Эдварда III английского короля Эдварда IV парламент принял закон, регламентирующий одежду для разных слоев общества, согласно которому, например, наемные работники не имели права шить себе одежду из ткани, которая стоила более двух шиллингов за ярд, а их жены и дочери – носить пояса, расшитые золотом или серебром. Позднее, во времена Тюдоров, семиотическая функция ряда вещей стала еще более очевидной, а правила, регламентировавшие поведение человека в обществе, – еще более жесткими. Историки отмечают, что для определения статуса человека огромное значение имел не только размер его земельных владений и тип жилого дома, но и то, с кем человек здоровался, где он сидел в церкви во время богослужений, какие продукты ела его семья и в какие часы и, конечно, как и прежде, какую одежду могли или не имели права носить представители разных социальных групп. Так, немногим было позволено (да им и не всегда это было по карману) носить накрахмаленные круглые плоеные жесткие воротники (starched ruffs), камзолы на подкладке (padded doublets) и юбки с фижмами (fartingales). Члены общества, находящиеся на вершине социальной лестницы, могли носить одежду из дорогих сортов шерсти, тонкого льна и шелка, в то время как на другом конце социальной лестницы носили изделия, сшитые из кожи и обрезков ткани [Briggs, 1999, с. 120].

Со временем ношение одежды в Англии перестало законодательно регламентироваться, и со второй половины XX века отнести незнакомого человека, особенно в повседневной обстановке, к

¹ Выделено нами. – Г. Б., Г. Г.

определенной социальной группе только по одежде стало, конечно, гораздо сложнее, чем раньше. Причем в наибольшей мере это касается различий между «средним классом» и «рабочим классом».

Следует отметить, что дополнительную семиотическую роль в истории Великобритании играли не только члены лексической категории одежды, но и наименования из категории «Питание», что в те времена подчеркивало существующие в обществе социальные контрасты – «inequality expressed itself in contrasts that started with chances of life and death and extended through gender, work, diet, clothes and shelter to education and taste» / *неравенство выражалось в контрастах, которые начинались с шансов на жизнь и смерть, распространялись на пол, работу, питание, одежду и жилье и, в конечном итоге, на образование и вкусы* [Briggs, 1999, с. 120].

Известный британский историк Аса Бриггс (Asa Briggs), говоря о временах правления династии Тюдоров (1485–1603), писал: «Social contrasts were obvious enough, even on the surface. One of the most obvious was pointed out by Harrison¹. The “gentilitie” ate wheaten bread; their household and poor neighbours rye or barley bread, and in time of dearth bread made of beans, peas or oats. Moreover, as the 16th c. went by, this particular contrast was sharpened» / *Социальные контрасты были достаточно очевидны даже на первый взгляд. Харрисон указал на один из наиболее очевидных. «Аристократы» ели пшеничный хлеб; их домашние и бедные соседи ели ржаной или ячменный хлеб, а во время нехватки продуктов питания – хлеб из фасоли, гороха или овса. Более того, по мере приближения к концу XVI века это различие всё обострялось* [Briggs, 1999, с. 120].

Удивительно, но традиционно соблюдались даже часы приема пищи. Так, аристократы и дворяне обедали и ужинали раньше, чем торговцы, а земледельцы обедали в полдень и ужинали в семь или восемь часов вечера. Что касается беднейших слоев населения, то они обычно ужинали, когда могли, т. е. имели такую возможность, так что говорить о порядке их трапезы вообще не приходилось [Briggs, 1999, с. 120–121].

Естественно, вопросы моды дискутировались в английском обществе на протяжении веков. Достаточно вспомнить, какой резкой критике подвергалась мужская мода в период после Реставрации монархии в Англии по той причине, что она в значительной степени имитировала женский стиль: широкие короткие бриджи, напоминающие

женские нижние юбки; муфты; множество разноцветных лент как украшение одежды; длинные пудренные парики; сильно надушенная одежда и т. д. В 1662 г. английский король Карл II лично выступил в Парламенте с критикой высших слоев общества, которые, по его мнению, тратили на одежду, питание и другие нужды гораздо больше денег, чем того требовалось. Но проблема была в том, что законодателем моды (и далеко не дешевой) во всех сферах жизни был сам Карл II, а его вассалы лишь пытались ей следовать.

Между тем, всё более разнообразным становилось питание богатых слоев населения в Великобритании. Возрождались старые кулинарные рецепты, в то время как продолжали импортировать новые продукты питания и напитки, в том числе кофе и шоколад. В 1650 году в Оксфорде открылась первая кофейня (coffee house). Первое место по их числу вскоре занял Лондон, второе принадлежало Бристолу, кофейни стали излюбленными местами времяпровождения жителей английских городов. Увеличилось и число мест, где можно было пообедать.

Считается, что именно на это время приходится «культ кларета» (the cult of claret) – *claret* «a type of red wine, especially from the Bordeaux region of France»² / *сорт красного вина, особенно из региона Бордо во Франции*.

Однако к концу XVII века потребление французских вин значительно уменьшилось как результат высоких таможенных налогов из-за англо-французских войн, в то время как потребление алкогольных напитков и пива возросло. А. Бриггс отмечает в этой связи: «Drinking was one of London's great occupations, with the places that offered drink offering other forms of entertainment as well. In the 1680s the Belle Sauvage, a great coaching inn on Ludgate Hill, was charging its customers one shilling for a look and two shillings for a ride on a rhinoceros» / *Выпивка была одним из самых популярных занятий в Лондоне, а заведения, предлагавшие выпивку, предлагали и другие виды развлечений. В 1680-х годах «Бель Соваж», большой постоялый двор на Ладгейт-Хилл, брал со своих клиентов один шиллинг за то, чтобы посмотреть на носорога, и два шиллинга, чтобы на нем прокатиться* [Briggs, 1999, с. 169].

Для того чтобы показать размах домашней трапезы, историки английской жизни часто приводят отрывки из «Дневника Пепи» (Pepys's diary)³.

² MED – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Second edition. Oxford: Macmillan Publishers Ltd, 2012. P. 260.

³ Сэмюэл Пипс, реже – Пепис (*англ.* Samuel Pepys, 1663–1703) – английский чиновник морского ведомства, автор знаменитого дневника о повседневной жизни лондонцев периода Стюартовской Реставрации. URL: pepysdiary.com

¹ Брайан Харрисон (Brian Harrison) – известный британский историк, в 2000–2004 гг. главный редактор «Оксфордского словаря национальной биографии» («The Oxford Dictionary of National Biography»).

Например, следующий отрывок: «At a New Year's breakfast in 1661 (still taken early in the day), he offered his guests a barrel of oysters, a dish of meat, some tongues and a plate of anchovies, and at a special dinner in 1663 he presented them with "a fricassee of rabbit and chickens, a leg of mutton boiled, three carps in a dish, a great dish of a side of lamb, a dish of roasted pigeons, a dish of four lobsters, three tarts, a lamprey pie, a most rare pie, a dish of anchovies, good wine of several sorts, and all things mighty noble, and to my great content"» / На новогоднем завтраке в 1661 году (который всё еще подавался рано утром) он [Сэмюэл Пипс] предложил своим гостям бочонок устриц, блюдо с мясом, несколько языков и тарелку с анчоусами, а на специальном ужине в 1663 году для его гостей приготовили «фрикасе из кролика и цыплят, ножку отварной баранины, три карпа на блюде, большое блюдо с бараньим боком, блюдо с жареными голубями, блюдо из четырех омаров, три пирога, пирог с миногами, очень редкий пирог, блюдо с анчоусами, хорошее вино нескольких сортов, и это всё были очень благородные блюда к моему большому удовлетворению» [Briggs, 1999, с. 169].

ПРИМЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРЕДМЕТНЫХ ИМЕН В СЕМИОТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫХ СИТУАЦИЯХ В СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Приведем несколько примеров использования английской предметно-бытовой лексики из категорий «Питание» и «Одежда» как носителей дополнительной семиотической информации.

В группе предметных имен, относящихся к сфере питания, глубинные структуры общего знания играют исключительно важную семиотическую роль, будучи связаны с социальным статусом потребителя данного продукта, стилем его жизни, социальным поводом употребления данного продукта и т. д. В связи с этим в литературных произведениях авторы активно используют предметные имена данной группы для имплицитной оценочной характеристики персонажей и элементов сюжета.

Например, Дэн Браун так описывает рождественский ужин принадлежащей к интеллектуальной элите семьи Соломон:

Even at seventy-five years of age Isabel Solomon was an exuberant cook, and tonight the mouthwatering smells of roast venison, parsnip gravy, and garlic mashed potatoes wafted through the house (*Dan Brown. The Lost Symbol*). – Даже в свои семьдесят

пять лет Изабель Соломон была превосходным поваром, и сегодня вечером по дому разносились аппетитные запахи жареной оленины, подливки из пастернака и картофельного пюре с чесноком.

В том же романе злоумышленник, пытаясь войти в доверие к сестре Питера Соломона, представляется его врачом-психотерапевтом и угощает ее чаем в традициях их масонской семьи:

'Please make yourself comfortable. I'm just steeping some tea'. (...) Dr. Abaddon appeared without warning beside her, holding a tray of steaming tea. (...) 'Your brother got me in the habit of serving tea during our sessions. He said the Solomons are tea drinkers'. 'Family tradition', Katherine said. (*Dan Brown. The Lost Symbol*) – «Пожалуйста, располагайтесь поудобнее. Я просто завариваю чай». <...> Доктор Абаддон неожиданно появился рядом с ней, держа поднос с дымящимся чаем. <...> «Ваш брат привил мне привычку подавать чай во время наших сеансов. Он сказал, что все в семье Соломонов любят чай». «Семейная традиция», – сказала Кэтрин.

Элемент питания подчеркивает социальный статус и особое внимание к здоровому образу жизни профессора Роберта Лэнгдона:

When Langdon arrived home around six [*прим.* – после тренировки в бассейне в пять часов утра], he began his morning ritual of hand-grinding Sumatra coffee beans and savouring the exotic scent that filled his kitchen. (...) Langdon scooped some additional beans into the grinder. *A little extra caffeine this morning, he thought. It's going to be a long day.* (*Dan Brown. The Lost Symbol*) – Когда Лэнгдон вернулся домой около шести [*прим.* – после тренировки в бассейне в пять часов утра], он начал свой утренний ритуал с ручного измельчения кофейных зерен с Суматры и наслаждался экзотическим ароматом, наполнявшим кухню. <...> Лэнгдон добавил еще немного зерен в кофемолку. «Немного больше кофеина этим утром», – подумал он. – «Это будет долгий день».

А вот кофе в доме небогатого английского приходского священника в романе Филлис Дороти Джеймс домработница заваривает совсем по-другому:

'Here's your coffee, Father. I've made it extra strong'. (...) The coffee, as always, was the cheapest kind of bottled grains. It was even less palatable now that its strength made its taste discernible. On the brown surface a few globules of half sour milk swam and

coalesced (*Phyllis Dorothy James. A Taste for Death*). – «Вот твой кофе, отец. Я приготовила его очень крепким». <...> Кофе, как всегда, был самым дешевым, из зерен, что продавались в бутылках. Он стал еще менее аппетитным теперь, когда его крепость сделала вкус заметным. На коричневой поверхности плавало несколько шариков полупрокисшего молока.

Важно, на наш взгляд, отметить, что человек может готовить определенную пищу или одеваться определенным образом намеренно или ненамеренно. При этом в текстах художественной литературы эти ситуации либо комментируются (автором или героями произведения), либо не комментируются, что в последнем случае создает дополнительные трудности для читателя, связанные с «декодированием» текста. Но для наблюдателя (в данном случае – читателя) – это всегда семиотически маркированная ситуация, так как помимо физической значимости (кофе был дешевым; человек был одет в дорогую одежду) это означает еще что-то: герой имел низкий / высокий материальный статус либо готовил что-то / был одет каким-то образом по определенной причине (был прекрасным поваром; хотел произвести впечатление).

Несомненно, значительный интерес для понимания текста произведения представляют описание ситуаций, когда встречаются нарушения принципов семиотической маркированности, например, выбора одежды или несоответствия времени приготовления определенной еды.

В качестве примера приведем описание ситуации из исторического романа о жизни состоятельных людей, где очевидно несоответствие одежды героини времени ношения. Для правильного понимания ситуации читателю необходимо сделать вывод о причинах такого несоответствия:

Olivia paced in her bedroom, *clad in the same gown she had worn earlier that day*¹ (*B. Joyce. The Rival*). – Оливия мерила шагами свою спальню, одетая в то же платье, которое было на ней ранее в тот день.

В том же произведении описывается семиотически маркированная ситуация, когда герцог, супруг Оливии, был насторожен и даже шокирован видом сестры, не переодевшейся после утреннего чая:

She swept into the room, shocking Arlen because she *was clad in the same pale pink gown he had seen her in at a tea earlier* (*B. Joyce. The Rival*). – Она вбежала в комнату, шокировав своим видом Арлена, *потому что была одета в то же бледно-розовое платье, в котором он видел ее за чаем ранее.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании вышесказанного представляется возможным сделать основной вывод о том, что в социальной жизни человека сферы питания и одежды часто оказываются вовлеченными в невербальную коммуникацию. В таких случаях с семиотической точки зрения нас интересует как содержание такой коммуникации, так и ее знаковое воплощение, т. е. закономерности семиозиса и описание семиотически маркированных ситуаций в тексте, в художественных произведениях с помощью членов лексических категорий «Питание» и «Одежда».

Объекты реального мира, относящиеся к сферам питания и одежды, сами по себе обладают мощным семиотическим потенциалом. Язык является самостоятельной семиотической системой, а языковые средства репрезентации процессов питания и предметов одежды синергически усиливают этот потенциал и существенно дополняют связанные с ними структуры знаний и культурный код.

Языковой знак не только отсылает нас к структурам знаний, связанным с объектом объективной действительности, но и несет в своей семантике новые смыслы. Такое многоуровневое, структурно разнообразное содержание в рассматриваемых группах лексических единиц обуславливает задачу исследования механизмов и необходимых условий их полноценной семиотической интерпретации.

Особенности использования членов лексических категорий «Питание» и «Одежда» авторами литературных произведений указывают на необходимость исследования их семиотического потенциала не только с точки зрения его интерпретации, но и с точки зрения целенаправленного использования таких единиц для формирования у получателя текста заданного мнения и оценки явлений, событий, лиц. Такая постановка вопроса требует расширения сферы исследования и изучения функционирования анализируемого языкового материала в других типах дискурса.

¹ Эд. и далее выделено нами. – Г. Б., Г. Г.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Казанский Н. Н., Цивьян Т. В. Академик Вячеслав Всеволодович Иванов (к 75-летию со дня рождения) // Известия РАН. Серия литературы и языка. М., 2004. Т. 63. №5. С. 65–68.

2. Степанов Ю. С. В мире семиотики // Семиотика / под общей редакцией Ю. С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 5–36.
3. Saussure F. de. Course in General Linguistics (trans. Roy Harris). London: Duckworth, 1983.
4. Jakobson R. Linguistics in Relation to Other Sciences // On Language (eds Linda R. Waugh and Monique Monville-Burston). Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990. P. 451–488.
5. Benveniste É. The Semiology of Language // Semiotica. 1981. Vol. 37. Issue 1. P. 5–23.
6. Lévi-Strauss Cl. Structural anthropology / transl. from French by Cl. Jacobson, Br. Gr. Schoepf. Harmondsworth: Penguin Books Ltd., 1972.
7. Кубрякова Е. С. О семиотически маркированных объектах и семиотически маркированных ситуациях в языке // Концептуальное пространство языка : сборник научных трудов, посвященных юбилею профессора Н. Н. Болдырева. Тамбов: ТГУ, 2005. С. 95–101.
8. Chandler D. Semiotics. The Basics. 2nd ed. London, New York: Routledge, 2007.
9. Briggs A. A Social History of England. 3rd ed. London: Penguin Books, 1999.

REFERENCES

1. Kazanskiy, N. N., Tsiv'yan, T. V. (2004). Akademik Vyacheslav Vsevolodovich Ivanov (k 75-letiyu so dnya rozhdeniya) = Academician Vyacheslav Vsevolodovich Ivanov (on the 75th anniversary of his birth). The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language, 63(5), 65–68. Moscow. (In Russ.)
2. Stepanov, Yu. S. (1983). V mire semiotiki = In the world of semiotics. In Stepanov, Yu. S. (ed.), Semiotika (pp. 5–36). Moscow: Raduga. (In Russ.)
3. Saussure, F. de. (1983). Course in General Linguistics (trans. Roy Harris). London: Duckworth.
4. Jakobson, R. (1990). Linguistics in Relation to Other Sciences. In Waugh, L. R., Monville-Burston, M. (eds.), On Language (pp. 451–488). Cambridge, MA: Harvard University Press.
5. Benveniste, É. (1981). The Semiology of Language. Semiotica, 37(1), 5–23.
6. Lévi-Strauss, Cl. (1972). Structural anthropology, transl. from French by Cl. Jacobson, Br. Gr. Schoepf. Harmondsworth: Penguin Books Ltd.
7. Kubryakova, E. S. (2005). O semioticheski markirovannykh ob"yektakh i semioticheski markirovannykh situatsiyakh v yazyke = On semiotically marked objects and semiotically marked situations in language. In The Conceptual Space of Language (pp. 95–101): collection of papers, dedicated to the Jubilee of Professor N. N. Boldyrev. Tambov: Tambov State University. (In Russ.)
8. Chandler, D. (2007). Semiotics. The Basics. 2nd ed. London, New York: Routledge.
9. Briggs, A. (1999). A Social History of England. 3rd ed. London: Penguin Books.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бондарчук Галина Григорьевна

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

Грачев Георгий Валерьевич

кандидат филологических наук
доцент кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bondarchuk Galina Grigorievna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor at the Department of English Lexicology
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Grachev Georgiy Valerevich

PhD (Philology)
Associate Professor at the Department of English Lexicology
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	20.02.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	21.03.2023	
принята к публикации	27.03.2023	